

18+

Отбрось всё,

это не мы

Ирина Захарьина

Ирина Захарьина
Отбрось всё, что не ты

«Издательские решения»

Захарьина И.

Отбрось всё, что не ты / И. Захарьина — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-505502-6

А вдруг не получится? Что, если не смогу? Не понравлюсь? Вдруг меня не примут и осудят? Куда я лезу? Что могу? Вдруг разочарую начальство, родителей и... себя? Думаю, этими вопросами задавался каждый из нас хотя бы раз. Журналистка Лёлька отправляется на поиски ответов. Ее ждут встречи с неуверенными романтиками, безумными гениями, ранимыми душами, эпатажными личностями... Найдет ли она ответ на главный вопрос?

ISBN 978-5-00-505502-6

© Захарьина И.
© Издательские решения

Содержание

Глава 1. Черные кляксы	6
Глава 2. Главный вопрос	23
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Отбрось всё, что не ты

Ирина Захарьина

Автор обложки Светлана Митина

© Ирина Захарьина, 2024

ISBN 978-5-0050-5502-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1. Черные кляксы

«Эх, как же хочется любви и заботы», – сонно подумала Лёлька, кутаясь в теплое одеяло. Она только что выключила будильник и смотрела в окно на предрассветное небо.

Все рассчитано по минутам. Встала, потрепала кота Василия по загривку, потянулась. Приняла душ. Включила чайник, засыпала кофе в термо-кружку, залила кипятком. Бросила бутерброд в сумку. Натянула приготовленную с вечера одежду. Зашнуровала кроссовки. Осталось проверить паспорт и билет.

Ах, да, билет же теперь не нужен, «пройдена электронная регистрация».

Лёлька никак не могла привыкнуть к современным технологиям, но такси вызвала через приложение.

Поглядела оценивающе на себя в зеркало.

«Так, что тут у нас сегодня? Новый прыщик не вылез – хорошо. Глаза серые, сонные и опухшие, зато оба на месте – жить можно. Краситься не буду – и так сойдет. Волосы... Эх, были бы кудрявые, но увы. Зато густые. В хвост их, чтоб не мешались. Ну а в целом – все путем».

Приподняла кофту, пощупала выпирающие бока, похлопала по пухлому животу. Вдохнула, вернула кофту на место. Под одеждой не видно, не тощая, но и не толстая. Средняя, обычная, неприметная.

Кот смотрел на нее печальным взглядом.

– Ничего, вечером придет Олеся и накормит тебя!

Лёлька обычно просила подругу присмотреть за котом на время поездок. График у Олеся был плотный, но она всегда соглашалась, слегка меняла свой маршрут и по пути на тренировку или на очередной тренинг забегала на десять минут. По возвращению Лёлька непременно обнаруживала пачку какого-нибудь «правильного» корма для Василия и для себя. А также график пробежек для начинающих на дверце холодильника или телефон ближайшего спортзала с расписанием занятий, якобы случайно забытый на кухонном столе.

На экране телефона появилось сообщение: «Водитель прибыл на место посадки».

Потискав недовольного кота, Лёлька повесила на плечо безразмерную сумку, закрыла дверь и сбежала по лестнице.

Удивилась, что за рулем такси женщина. Доехали быстро и в тишине, все как она любит. Вышла из машины. Зажужжал телефон: приложение просит оценить поездку. Вот это да! Водителя зовут Любовь!

Так причудливо вселенная исполняет желания. Хотела любви – получай.

Лёлька давно уже заметила, что стоит ей чего-то пожелать, это тут же исполняется, так или иначе. Надо бы поработать над формулировками.

Быстро прошла проверку, спустилась в тоннель, бодрой походкой дошла до нужной платформы, нашла свой вагон и удобно устроилась в мягком кресле.

Поезд тронулся.

Лёлька смотрела в окно и размышляла. Представила перед собой Олеся – высокую стройную блондинку с модной стрижкой, ухоженную и стильную. У нее всегда все получалось. Не как у Лёльки: вроде бы желание исполнилось, но не совсем так, как хотелось. Или совсем не так, или не вовремя. Нет, Олеся умела совершать невозможное, делала сто дел одновременно, успевала и работать, и заниматься спортом, и постоянно учиться. А внутреннее чутье помогало ей избегать опасностей и быстро принимать верные решения.

Над Лёлькой же вселенная как будто насмехалась.

Пожелает она пропустить урок в школе – и сляжет с температурой сорок. Один раз даже ногу сломала на ровном месте. Пожалуется на одиночество – подсядет к ней в поезде слово-

охотливый попутчик, не отвяжешься. Решит всерьез похудеть – получит расстройство желудка, прямо посреди рабочего дня.

Хотела, чтобы мужчина, наконец, появился в ее жизни, – и вдруг старый и страшный Никанор Иванович, ее начальник, стал как-то странно на нее поглядывать и приглашать на совещания с глазу на глаз. Теперь она старалась как можно чаще бывать в командировках и не попадаться на глаза восплававшему нежными чувствами начальству.

Очень хотелось, чтобы дома кто-то ждал, – и пару месяцев назад наткнулась в подъезде на крошечный пушистый комок, который жалобно пищал и не выжил бы, если бы она его не приютила.

Сейчас комок превратился в шаловливого котенка по имени Васька. Он, действительно, ждал ее дома. И частенько с каким-нибудь сюрпризом. То вытащит единственный дорогой комплект белья из комода. То раскидает виноградины по кухне. К ним у Василия была особая слабость: есть не ел, но охотился, а потом умело прятал по всей квартире.

Да, над формулировками определенно стоило поразмышлять. Только почему-то эта мысль приходила уже после исполнения желаемого.

Лёлька, которую на самом деле звали Алевтина Маратовна Бродская, работала в журнале «Искусство жить», где освещали мероприятия и выставки неизвестных и знаменитых художников, архитекторов, писателей, непризнанных гениев и любимцев богемы.

Она очень удивилась приглашению работать в редакции журнала. Тогда она еще трудилась в должности офис-менеджера – скучнейшее занятие. Не иначе, как ее мама, знаменитая художница, подсуетилась. Или просто издатель благоразумно решил, что известная родственница откроет перед скромным журналом новые двери и горизонты.

Лёльку всегда привлекали творческие люди. Ей казалось, что они чувствуют и замечают гораздо больше, чем остальные, и выражают через искусство целые вселенные, видимые только им одним.

Благодаря своей восприимчивости, Лёлке удавалось заглянуть чуть глубже в их внутренний мир, погрузиться в их ощущения, понять, что ими движет. Например, когда она настраивалась на волну художника, сама становилась художником: видела то, чего раньше не замечала, выхватывала детали, появлялся зуд в руках, хотелось ловить прекрасные мгновения и переносить их на холст.

Еще Лёлька обожала путешествовать. И теперь постоянно ездила в командировки, колесила по стране, заезжая на самые окраины. С собой всегда был верный старенький фотоаппарат Никон и пара блокнотов.

Эта работа была как будто создана специально для нее. Только вот в богему она никак не вписывалась. И каждый раз удивлялась, насколько не соответствовала обстановке. Не было у нее лоска и шика, уверенности в себе и ощущения, что она хозяйка жизни.

Вот Олеся была бы как рыба в воде! Как вошла бы уверенной походкой, в мини-юбке и красных туфельках на высоких каблуках, кокетливо поправляя прическу и обворожительно улыбаясь...

А Лёлке оставалось лишь вздохнуть, наблюдая за высшим обществом разных городов и стран.

Она работала в журнале «Искусство жить» уже год, но все еще была девочкой на побегушках. В ее обязанности входило собирать материал, фотографировать, брать интервью, находить и проверять интересные факты о творческих личностях. А потом сдавать все это копирайтерам, которые готовили статьи для журнала.

А перед этой поездкой Никанор Иванович намекнул, что пора бы уже писать самой! Лёлька сделала вид, что не расслышала и побыстрее ретировалась.

В глубине души ей страстно хотелось попробовать! Иногда прямо руки чесались поправить готовый материал, настолько он не соответствовал ее личным ощущениям – но нельзя, это ж профессионалы написали.

Но разве она сможет? Ничему такому не обучалась. Ей казалось, что она ни на что не способна, каждый день боялась, что ее разоблачат, признают бездарностью и выгонят с позором. Зажмурившись, отдавала очередной материал, готовая к худшему. Но ничего не происходило, ее даже хвалили.

А потом копирайтер Жанна наманикюренными пальчиками ловко оборачивала сухие факты в красивые метафоры. Лёлька завидовала ей. Как бы научиться также? Если бы можно было украсть способности, она непременно пробралась бы темной ночью в голову красотки Жанны и сгрэбла бы в чемодан все красивые буковки.

В этот раз задание было простым и приятным.

Она ехала в небольшой городок В., там проходила выставка молодой художницы Станиславы Мореходовой. Ее работы Лёльке нравились, в них была жизнь и уют. По крайней мере, на первых полотнах.

В сумке лежало несколько журналов со статьями про Станиславу.

Впервые она попала в глянцевые издания год назад. Карьеру начала ярко, многие ценители искусства заинтересовались молодой талантливой художницей.

Простая, открытая. Нос не задирала, сразу сказала: «Понимаю, что неидеальна, готова к критике и обратной связи, хочу расти и развиваться».

Лёлька помнила свой восторг, когда попала на первую выставку, она тогда еще только начала работать в журнале. Там юное дарование представили жестокой общественности.

От каждой картины трепетала душа и оставалось едва уловимое послевкусие.

Станислава скромно стояла у столика с напитками.

В ее образе, одежде, прическе, кольцах, сережках и браслетах чувствовался тот же стиль, что и в картинах: легкость, смелость, открытость, многогранность, экспрессия...

Поначалу она с надеждой и предвкушением смотрела на происходящее.

– Что ж, деточка, неплохо для первого раза. Но я бы тебе советовала линии делать четче. И что это за странное сочетание цветов?! Сейчас, конечно, модно быть экстравагантным и не похожим на других, но не до такой же степени. Яркие пятна слепят глаза. Но в целом неплохо, неплохо, поздравляю, ты далеко пойдешь!

Ох уж этот снисходительный тон! Лёлька кипела от негодования!

А Станислава ничего, держалась стойко, благодарила, кое-что даже записывала.

Сколько этих богемных крокодилиц подошло к ней в тот вечер?! Под конец на девушку жалко было смотреть.

Она силилась улыбаться, но в глазах стояли слезы. Когда Лёлька попыталась ее утешить во время интервью, та дрожащим голосом заявила:

– Ничего, ничего, расти всегда приходится через боль. И мне надо прислушиваться к мнению знающих людей, чтобы чего-то добиться. Я же только начинаю. Все правильно, в принципе, я согласна. Я не задумывалась даже о таких вещах, когда предавалась вдохновению. А ведь, наверное, стоило бы. Есть ведь каноны и правила, вкус, в конце концов, и предпочтения публики. И кто я такая, чтобы идти против них?! Так и напишите! Что я благодарна добрым людям, которые указали мне на мои недостатки.

– Но это не ваши недостатки! Это же просто их личное мнение о ваших картинах! Это же все так субъективно! Я вот без ума от ваших работ! Они такие... такие эмоциональные, живые, светлые! – возмутилась Лёлька.

– Спасибо, но не пытайтесь меня утешить. Я обязательно все исправлю к следующему разу.

И она исправила.

Лёлька просматривала журналы с репродукциями картин, и у нее сжималось сердце.

Исчезли яркие краски, появилась четкость линий. Картины были, по-прежнему, красивые, но в них чего-то не хватало. Как родинки или случайно упавшей на лоб пряди волос на идеально правильном личике красавицы.

В последнем журнале на развороте фото Станиславы. Строгий костюм, серьезный взгляд, никаких украшений.

«Я готова прислушиваться, учиться, самосовершенствоваться». Статья была не про искусство, а про саморазвитие, новое модное веяние.

Художница рассказывала про свою систему обучения. Сколько она посетила курсов и тренингов, сколько прочитала учебников, – не счесть! И все ради того, чтобы улучшить мастерство.

В ее внешности, как и в картинах, чего-то мучительно не хватало. Блеска в глазах, пятна краски на лацкане пиджака, кольца в форме бабочки.

Какую бы статью написала об этом Лёлька? Какую идею захотела бы передать? Даже при мысли о том, что придется писать самой, у нее похолодели ладони, а сердце забилось быстрее.

«Поезд прибывает на станцию город В.. Не забывайте свои вещи в вагоне».

Со смутным чувством тревоги и беспокойства Лёлька сошла с поезда.

Город встретил дружелюбно.

Погода стояла замечательная. Солнце слепило глаза и ласково гладило по щекам. Кругом обилие цвета, кроны деревьев кое-где уже украшали желто-оранжевые пятна, коричневатые листья покрывали дорожки и шуршали под ногами, из последних сил зеленела трава.

Людей вокруг было немного. Создавалось ощущение, что время замедлилось. Из привокзального кафе тянуло ароматом кофе и булочек с корицей. Откуда-то пахло яблоками и рекой. Изучив распечатанную карту, Лёлька решила пойти пешком.

Она любила незнакомые города, каждый со своими загадками и недосказанностями. Они открывали ей свои истории. Среди современных построек то тут, то там проглядывали элементы старины, намекая, волнуя, будоража воображение.

Воображение у нее было богатое. Каждый потертый стальной завиток рождал смутные образы, а иногда и целые сцены. Здесь кавалер делал предложение даме сердца. Здесь одинокий старик просил милостыню, в то время как богатые горожане проходили мимо, будто сквозь него. Здесь молодая актриса выслеживала своего женатого возлюбленного, который умудрялся встречать еще с тремя дамами.

Картины проносились в голове, и она на время выпадала из реальности. Вот и сейчас: вынырнув из своих грез, Лёлька обнаружила, что заблудилась.

Поскольку с современными технологиями она была не в ладах, а на распечатанной карте этот район не поместился, самое время было обратиться за помощью к прохожим.

Район оказался пустынным. Солнце уже клонилось за горизонт, смывая краски дня.

«Вот еще не хватало», – подумала Лёлька.

А богатое воображение уже рисовало темные подворотни, устрашающие фигуры в темных плащах, испуганные вскрики женщин, стук каблучков.

Вздрыгнула, стяхнула наваждение и вдруг заметила мужчину, быстро шагающего к проулку между домами. Как назло, в темном плаще с капюшоном.

Она разрывалась между двумя мыслями: не ее ли это герой, только и ожидающий возможности спасти свою принцессу, – и не маньяк ли это, выслеживающий очередную жертву.

Все же поспешила за ним, готовая принять судьбу, какой бы та ни оказалась.

– Простите, молодой человек! Подскажите, пожалуйста, как пройти к художественной галерее на улице Пушкина?

Незнакомец пошел быстрее, не оборачиваясь. Лёлька тоже прибавила шагу. Вдруг мужчина резко остановился и развернулся.

Он растерялся не меньше Лёльки, когда она налетела на него на всех парах. Капюшон слетел с головы, в ушах – наушники. Понятно, почему не отвечал.

Он был молод и хорош собой, совсем не похож на маньяка.

Как оказалось, на героя тоже не тянул. Пробормотал: «Смотри, куда прешь», отвернулся и зашагал прочь.

Не успела несостоявшаяся принцесса предаться унынию, как ее взгляд упал на табличку со стертыми буквами прямо над головой: «Ул. Пушкина, д.». Номера дома видно не было, но название улицы обнадеживало.

Вынырнув из подворотни, Лёлька сверилась с картой и уверенно зашагала в нужном направлении, пока последние закатные лучи не спрятались за крышами домов.

Вот она, галерея. Ажиотажа не было, всего несколько припаркованных автомобилей.

Зашла внутрь.

Редкие посетители скромно и тихо бродили вдоль стен, время от времени останавливаясь у какой-нибудь картины. На лицах – скучающее выражение.

Где же Станислава?

Лёлька побродила по комнатам. Подошла к буфету, положила на бумажную тарелочку несколько канапе. Одно сразу в рот, после блужданий по городу здорово проголодалась. Нацедила чашечку кофе из автомата.

И вдруг заметила ее.

Вернее, Лёльке показалось, что это была лишь тень прежней жизнерадостной, подающей надежды художницы.

Она серой мышкой сидела в углу, сливаясь со стеной. Бесцветная, безжизненная. У жалостливой Лёльки защемило сердце и даже показалось, что есть расхотелось. Но, все же, она, для верности, запихала в себя крошечные кусочки хлеба с лососем и икрой.

Налила вторую чашку кофе и направилась к девушке, на ходу планируя спасательную операцию.

Что Станиславу надо спасать, она даже не сомневалась.

– Здравствуйте! Вы, наверное, меня не помните... – начала Лёлька, протягивая одну чашку девушке.

– Что вы, у меня прекрасная память на лица. А еще... наверное, вы сочтете это странным, но я вижу что-то вроде ауры, некое свечение от каждого человека. У вас оно было совершенно особенное, и я вас прекрасно запомнила. Мы виделись на моей первой выставке. И вам понравились мои картины. Что вы думаете о них сейчас?

Лёлька отвела взгляд и огляделась. Она не знала, что сказать, обижать собеседницу не хотелось. Все было нарисовано как по учебнику. Вроде бы правильно, но впечатление производило удручающее, не цепляло глаз и, уж тем более, душу.

– Ну... вполне соответствует стандартам... Яркие цвета, четкие линии...

– Не стесняйтесь в высказываниях, я же не дурочка, понимаю, что момент славы прошел. И это моя последняя выставка...

– Ну что вы! Нельзя вот так сдаваться! Вы не можете!

– Я-то, может, и попыталась бы еще. Да вот агенты и владельцы галерей больше не хотят со мной сотрудничать. Так что...

И так Лёльке стало жалко ее, так невыносимо от несправедливости мира! Так захотелось помочь этой хрупкой девушке, обнять, защитить. Но она заколебалась: «Со своей-то жизнью не могу разобраться... Может, оставить все как есть, вернуться обратно, сдать материал...»

Она еще раз посмотрела Стасе в глаза. И сама удивилась, услышав свой голос:

– Знаете что? А давайте рванем отсюда? Вам же не обязательно тут торчать до конца? По пути я видела симпатичную кофейню, посидим, поболтаем. Я, конечно, понимаю, что это очень самонадеянно с моей стороны – так предлагать свое общество...

– Нет-нет, это как нельзя кстати. Я уже и сама подумывала сбежать. Тошно от того, как посетители пытаются изображать заинтересованность. И от самой себя... Да и вообще. Все лучше, чем пить мартини и курить в одиночестве, жалея себя и свою несостоявшуюся карьеру... и жизнь...

Лёлька вздрогнула. Но сделала вид, что не расслышала последнюю фразу.

Пока Станислава вежливо раскланивалась с посетителями, Лёлька набрала номер редактора и предупредила, что задержится в городе В., материал отдаст в работу на день позже. Пришлось пустить в ход женское обаяние, чтобы Никанор Иванович не возражал против призыва сотрудницы. И он не возражал. Но добавил:

– Лёлочка, может, вы сами и подготовите тогда черновичок? Горю нетерпением вчитаться в прелестнейшее повествование нашей лучшей сотрудницы!

«Полный форзац», – подумала Лёлька. Промычала что-то нечленораздельное в ответ, повесила трубку и направилась к выходу.

В кафе они выбрали столик в углу у окна. Чувствуя неловкость, молча дождались, когда им подадут меню.

Заказали. Лёлька – черный кофе и сэндвич с тунцом, гулять так гулять. А Станислава – капучино и фруктовый салат. Как-то не вязалось это с ее словами об одиноком запое и сигаретах. Правда, сигарету она, все же, закурила.

Лёлька не переносила запах табака. Но сейчас запах был скорее приятным, вишневым.

Задумчиво выпустив дым из полукрытых губ, Станислава предложила:

– Давай на ты? Меня можешь звать Стасей, так меня мама зовет.

– А меня можешь звать Лёлькой. Меня так окрестила подружка в детстве, до сих пор с ней дружим. Вместе в школу ходили, одних мальчиков любили. Сейчас, правда, редко видимся, к сожалению, но стараемся хотя бы несколько раз в год встречаться...

«Что я несу?», – одернула себя Лёлька. Когда нервничала, она начинала много болтать. Но Стася, казалось, не заметила словоохотливости собеседницы. Похоже, ей и самой хотелось выговориться.

– Печально, конечно, что все так закончилось. Нет-нет, не перебивай. Дай договорить. Я понимаю, что закончилось. У меня уже нет никаких сил барахтаться. А главное, не понимаю, что я делала не так?! Так стала все делать правильно. Так надеялась. Столько училась. Очень хотела, чтобы родители мной гордились! А сейчас... Боже, что угодно, только не возвращаться туда...

Голос дрогнул на последнем слове. Лёлька не знала, что предпринять, не была она специалистом по душевным беседам. То ли кидаться расспрашивать и жалеть, то ли тактично отвести взгляд и сделать вид, что все в порядке.

Стася прикрыла глаза. Потом взяла себя в руки. Затушила сигарету, отхлебнула кофе, насадила на вилку кусок ананаса. И продолжила:

– Помнишь ту первую выставку? Не представляешь, как я к ней стремилась. И думала, что вот, наконец-то! Наконец-то все будет по-другому, хотела порадовать родителей. Я у них была единственным ребенком. У тебя есть братья-сестры? Нет? Ну тогда ты, возможно, сможешь меня понять. Мама с трудом забеременела, у нее было несколько выкидышей и вдруг – я, долгожданный ребенок. Родители носились со мной, оберегали, баловали, задаривали подарками. Я ни в чем не нуждалась. С самого детства водили на разные кружки: танцы, музыка, пение, рисование. Да... рисование. Это была любовь с первого взгляда. Однажды учительница сказала маме, что единственная, у кого есть талант в группе – это я. И мама расцвела: «Я знала, что моя дочь особенная!». Тогда все и началось.

Стася грустно улыбнулась, покачала головой и снова заговорила:

– Мне очень хотелось оправдать мамины ожидания! Я много училась, рисовала с утра до ночи, как заведенная, отработывала разные приемы. Обожала импрессионистов, мне нра-

вилась их смелось пойти против всех правил. Я хотела поймать нечто ускользающее, показать обыденное в другом свете, как бы двойное дно. Даже не так, – многослойность реальности. Часто ведь мы видим только один слой. Ты слышала про концепцию «всёчества»?

Лёлька помотала головой, и Станислава продекларировала:

– «Все стили мы признаём годными для выражения нашего творчества, прежде и сейчас существующие». Мне это очень откликлось. Я считала, что творчество – это свобода самовыражения. Изучала и смешивала разные техники и стили. Преподавательница иногда приходила в ужас, но все равно говорила, что в моих картинах что-то есть.

Лёлька смотрела во все глаза и кивала – да-да, конечно, что-то есть! Не что-то, а очень многое, целый мир!

Станислава горько вздохнула, усмехнулась одним уголком губ и покачала головой. Только что, когда она говорила о творчестве, глаза ее светились, а теперь – будто захлопнулась шкатулка, свет погас. Девушка продолжила свой рассказ:

– Потом отец поспособствовал тому, чтобы мои работы показали в местной галерее. Ну и пошло-поехало. Галеристы смотрели, кивали, говорили: «в этом что-то есть, но не формат». И отказывали. Советовали обратиться в другой салон. Бесконечное хождение по мукам, то есть, по салонам. Мне сначала это было непонятно, как это – «не формат», какой формат?! Кто его устанавливает? И какие у него на это права? Но потом поняла, что если не подгоню свои работы под этот формат, меня никогда не примут. И все бы ничего, но отказы ужасно расстраивали родителей. Не сказать, чтобы они понимали в искусстве, но в моем таланте не сомневались. И это разрывало мне сердце... Я перестала спать и почти перестала есть. Рисовала, рисовала и рисовала, искала способ попасть в чертов формат... В конце концов перестала понимать, что происходит, что я делаю и зачем. Тогда... тогда я попала... я оказалась...

Станислава тряхнула головой:

– Неважно. В общем, плохо было дело.

Лёлька слушала, затаив дыхание. Так и не донесла до рта чашку с уже остывшим кофе. Она не посмела расспрашивать, а услужливое воображение рисовало картины, одна страшнее другой. Большие печальные глаза художницы, лишённые радости, света и тепла... Ее сердце сжималось, на душе было мутно. Она постаралась не погружаться в чувства художницы, боялась в них утонуть. Ведь надо было, наоборот, вытащить утопающую.

Станислава снова достала сигарету, рука с зажигалкой чуть дрожала. Ананас так и остался насаженным на вилку и не тронутым. Сделала затяжку, потом долго медленно выпускала дым. Посмотрела на Лёльку.

– Я тебе еще не надоела? Захотелось выговориться. В последнее время почти ни с кем не разговаривала. Отдалилась от родителей. Ушла, как говорится, в себя.

Лёлька затрясла головой, продолжай, мол.

– Что ж, дальше, можно сказать, был хэппи энд. Только, как оказалось, вовсе это был не энд. И, как показывает практика, совсем не хэппи... Когда я оправилась от... потрясения, стала ходить по выставкам. Тайком от родителей. Мама очень переживала, боялась, что любое напоминание о живописи может снова меня подкосить. Изучала, исследовала, наблюдала. Ходила на мастер-классы к художникам. Пыталась понять, что же такое формат, что нужно делать, чтобы публика приняла. Потом, тоже тайком, ночами, при свете луны или со свечой, рисовала, отрабатывала разные техники. И когда несколько работ были готовы, отнесла в одну из небольших галерей. Работы одобрили. И предложили поучаствовать в выездной выставке. Где мы с тобой и встретились, в вашем городе Н. Родители были в восторге! А я – ужасно боялась сделать что-то не так и разочаровать их. Поэтому и стала внимать критике и всем замечаниям, старалась сделать все правильно. Только теперь я, по-моему, перестала понимать, для чего вообще это делаю. Линии выходят правильные, техники безупречны. Но видеть эту мазню мне и самой тошно. Ничего не говори, я же видела, как ты на нее смотрела. И ты, и другие...

Она замолчала. Подняла вилку и положила кусочек ананаса в рот. Посмотрела на Лёльку и выдавила из себя слабую улыбку:

– Спасибо тебе. Хотя я и не понимаю пока, как мне жить дальше, но стало легче. Действительно, намного легче, даже удивительно! Как-нибудь выкручусь. Могу, например, сама мастер-классы проводить. По-моему, я теперь эти техники знаю лучше, чем те, кто их изобрел!

Лёльке часто такое говорили – после общения с ней людям становилось лучше, как будто, погружаясь в их ощущения, она брала часть страданий на себя. Некоторые пользовались этим, поэтому со временем она начала сторониться людей, избегала шумных компаний. И вообще предпочитала проводить время в одиночестве.

Они еще посидели в кафе, преимущественно молча. Потом Лёлька сказала:

– А что ты там говорила про мартини? Может, напьемся? Ну раз уж все пропало, и если это энд, какой-никакой, хоть и не хэппи, – все равно его надо отметить. А?

На душе было беспокойно, она чувствовала, что Стасю нельзя оставлять в таком состоянии одну.

«Что ты вмешиваешься? Вдруг сделаешь только хуже?» – корила она себя, – «Это не твое дело, ты ж не психолог! Езжай домой, пиши статью, корми Василия».

Но она знала, что уехать не сможет, чувствовала, что ее место сейчас здесь. Пусть она и не мастер утешать больные души, но попытаться стоило.

Идти оказалось недалеко. Станислава снимала небольшую студию, по совместительству квартиру, на первом этаже трехэтажного кирпичного дома.

В просторной студии с большими окнами и высокими потолками вдоль стен располагались картины. Холсты с незаконченными работами валялись повсюду – на полу, на кресле, на большом деревянном столе. По углам притаились краски и банки с кисточками.

Лёлька ступала осторожно, перешагивая через творческий беспорядок. Жилище художницы состояло из маленькой кухоньки и просторной комнаты-спальни.

На кухне посуды и техники почти не было: маленький холодильник, микроволновка, турка, пара сковородок, небольшая кастрюля. Из шкафчика ярко-зеленого цвета Станислава извлекла два пузатых бокала на тонкой ножке.

– Не совсем подходят под мартини, но больше ничего нет. И лимона, кажется, тоже нет.

Она озадаченно разглядывала полупустые полки холодильника. Вынырнула оттуда с добычей – багетом, пачкой тофу и помидором.

– Зато закуска есть, не пропадем! Можно еще фрукты намывать. Если хочешь, еду закажем. Но Лёлька такая закуска вполне устроила.

Приготовив бутерброды, девушки отправились в студию. Соорудили гнездышко из пледов и подушек, в качестве подноса использовали табуретку.

Выпили «за искусство». Алкоголь побежал по венам, слегка закружив голову. Лёлька поднялась и направилась к картинам.

Издалека она видела прекрасные работы, некоторые из них – те самые, с первой выставки. Но на всех какие-то черные пятна, так и хотелось смахнуть их, как грязь.

Лёлька пригляделась и обмерла!

Пятна оказались чернильными надписями: «слишком ярко», «меньше абстракции», «линии четче», «непонятен замысел художника», «слишком сложно», «слишком просто», «немодный аквамарин», «смещение техник»...

Она глазам не верила, чуть не расплескала мартини. Переходила от картины к картине, поднимала с пола, рассматривала. Не сразу смогла выговорить:

– Но как? Зачем? Вот, что надо выставлять и показывать! Это прекрасно и трогает душу! Эти картины... Они полны жизни! Они... живые, они дышат!

Но художница лишь безнадежно махнула рукой:

– Эти? Да, я раньше тоже так думала... Пока мне не объяснили. Не вписываются они в формат. А мне так хотелось все сделать правильно, понимаешь? Я каждый раз вспоминала печальные мамины глаза и твердила себе: «Ты должна, ты не имеешь права облажаться». И вот, пожалуйста.

Размахивая бокалом, положив руку Лёльке на плечо и заглядывая в глаза, Стася говорила заплетающимся языком:

– Но я ведь так старалась, понимаешь? Это несправедливо! Я же все техники изучила. И что же?! Теперь уже и формат их не устроил! Я не понимаю. А ты понимаешь?

Лёлька только качала головой. Она не знала, что сказать, ей было безумно жаль художницу. Ей хотелось закричать: «Да раскрой же ты глаза! Ты же талантливее, чем все эти критиканы и учителя вместе взятые! Они тебе в подметки не годятся!».

Но она понимала, что Стася не услышит. Той хотелось выговориться.

– А ты знаешь, что меня назвали в честь актрисы, Станиславы Целинской? «Девочка Никто» – мамин любимый фильм. Не то чтобы ей нравилась эта пышная дама. Быть может, она завидовала, что у той получилось обзавестись большим потомством, в отличие от нее.

Она неестественно громко рассмеялась.

– Нет, ты понимаешь всю иронию?! Девочка Никто! Это же про меня! Просекаешь фишку? Я помню этот вопрос в конце фильма: «Девочка никто – это я?». Постоянно спрашивала себя: «Девочка никто – это я?». Думала, как же ответит героиня. И как мне ответить? Стать никем или... попробовать быть собой. До сих пор иногда слышу этот вопрос у себя в голове... И еще помню фразу странной музыкантши из этого фильма: «Это страшно – иметь талант. Талант как живая рана, которую надо постоянно расцарапывать, а то загноится». Когда я оказалась на грани...

Она осеклась, а Лёлька ощутила тяжесть и холод в груди.

– Когда мои работы не принимали, я думала о том, чтобы бросить все и стать обычной, найти нормальную работу, но чувствовала нечто похожее, – такой нестерпимый внутренний зуд. И поняла, что не получится бросить.

Длинно вздохнув и сделав большой глоток, от которого захлебнулась и закашлялась, она продолжила:

– В детстве я всем говорила, что меня назвали в честь Станиславы Валасевич. Не слышала? Олимпийская чемпионка! Побила несколько мировых рекордов. Да вот оказалось, что она была не совсем женщиной, а гермафродитом.

Снова громко рассмеялась, закашлялась, Лёлька похлопала ее по спине, потом погладила теплой ладонью.

– Да, я всем рассказывала про нее и загадочно задираю нос. В школе меня называли ненормальной, обходили стороной, предпочитали не связываться, мало ли, что там скрывается у меня под одеждами. Одевалась я как парень, носила джинсы-бойфренды и широкие кофты. Обижать – не обижали, но и дружить никто не спешил. А я и рада была. Не могу я с людьми. Тогда я начала видеть свет. И иногда он просто ослеплял. Люди такие странные, переменчивые, почти никогда не находятся в спокойном состоянии, их эмоции меняются мгновенно. Я купила темные очки и старалась смотреть только в книги. И на холсты. А теперь всему конец. И я не знаю, как быть дальше... Но не будем больше о грустном.

Лёлька и сама страдала от бури эмоций других людей. Стоило оказаться в толпе, как ее оглушали чужие чувства и мысли: «а вдруг я не понравлюсь», «ненавижу свою работу!», «убить его готова», «вот дура, почему я тогда не сказала это?», «всему конец, больше не могу», «как я устала», «ничего не успеваю», «почему у него получилось, а у меня нет?!», «хочу сдохнуть»...

Предпочитала скрываться, правда, дома, в одиночестве, ее подстерегала новая опасность. Лёлька боялась узнать, что останется, если она не будет проживать чувства других людей. Что

внутри у нее самой? Казалось, что там пустота, черная дыра, слишком страшно было заглянуть туда...

Осушив бутылку мартини наполовину, девушки переместились в комнату. Лёлька спросила, где все те красивые украшения и одежда? И Станислава достала две коробки с верхнего ящика шкафа. В них были платья с кожаными ремнями, легкие юбки, несколько футболок и кофт. И множество ярких шарфиков.

Затем она принесла небольшую шкатулку, с виду невзрачную, потертую, исписанную рунами. Открыла – и Лёлька ахнула. Внутри оказалось целое богатство! Стася высыпала на кровать десятки разноцветных колец, бус, сережек.

Лёлька попросила, чтобы художница надела что-нибудь из этого. И сама начала примерять переливающиеся колечки.

Настроение улучшалось.

А когда она увидела Стасю в легком платье по колено, с узким коричневым ремешком, темно-синем с белыми стрекозами, сверху – куртка из коричневой кожи с заклепками, а на ногах – высокие ботфорты со шнуровкой, руки увешаны браслетами и кольцами, – она словно перенеслась в прошлое! Именно такой была художница в первую их встречу.

– Слушай, Стася, а пошли тусить! Все равно ведь не уснем! Есть у вас тут какой-нибудь клуб?

– Ну... я слышала, что есть один. Но не староваты ли мы для таких дел?

– Да брось! Посмотри на себя! Тем более, я думаю так: сегодня нам можно все!

– Идет, только ты тоже приоденешься!

Лёлька начала было сопротивляться, но передумала, надо поддержать художницу, а, значит, сегодня они наряжаются и идут гулять!

Подобрали к джинсам кофту с открытой спиной, украсили шею множеством бус. На ноги – ковбойские сапожки. Лёлька даже понравилась себе в зеркале. Но с сомнением проговорила:

– Вот что значит – красивая обертка. Если б не твои наряды...

Стася обняла ее и, улыбаясь, возразила:

– Дурочка! Красота – вовсе не в обертке. Ее можно подчеркнуть, проявить, выделить, но не создать дешевыми фантиками. Внутренняя красота – либо есть, либо нет.

Лёлька, конечно, не поверила, но промолчала. И подруги отправились на поиски приключений, перед этим допив мартини для верности и храбрости.

Стася, к счастью, отлично умела пользоваться навигатором. И довольно быстро отыскала адрес ближайшего ночного клуба – всего полчаса пешком. Хотела вызвать такси, но Лёлька предложила прогуляться.

Ночной город по-своему прекрасен. Девушки шли, взявшись под ручку, вдыхали прохладный осенний воздух. Алкоголь разгорячил головы и зарумянил щеки. На улицах не было ни души. Карамельный свет фонарей освещал дорогу.

Охранник на входе в клуб снисходительно поглядел на них:

– Вы куда, дамочки?

– Решили повеселиться. А что, нельзя?

– Вход только по приглашительным.

– Но послушайте! Я известная художница, здесь недалеко в галерее моя выставка, мы как раз отмечаем ее... успешное открытие. А это – известная журналистка! Она приехала к нам из другого города!

– Ладно, ладно, уговорили. Проходите. Все равно, думаю, надолго вы там не задержитесь, – ухмыльнулся наглый охранник, мазнув оценивающим взглядом.

Искательницы приключений робко зашли в зал. Громко орала музыка, мигали яркие неоновые огни. В центре зала полуголая толпа конвульсивно дергалась под рваные ритмы.

Они приземлились у стойки.

– Вам чего? – спросил бармен.

Девушки переглянулись:

– Апельсиновый сок?

– С водкой?

– А... можно просто сок?

– Может, хоть текилы плеснуть?

– А, может, шампанского? – предложила Стася.

Бармен поставил перед ними два бокала:

– Коктейль «Мимоза» для дам.

Лёлька посмотрела с сомнением, но возражать не стала.

Сделав по глотку, они решили затесаться в толпу и потанцевать. Алкоголь кружил голову, и было все равно, подо что двигаться.

Им хватило сорока минут. После этого, потные и счастливые, они распрощались с барменом, а затем и с охранником, который буркнул напоследок «я же говорил». И отправились обратно к Станиславе.

Ночью Лёльку мучил дурной сон.

Ей казалось, что это она – художница, стоит в галерее и принимает гостей. А те несут и несут цветы и говорят пространные комплименты: «Все прекрасно, душечка, но вот только линии недостаточно четкие, а тут слишком яркие цвета. Но в целом ты молодец!»

Гости все заходят и заходят, и заваливают ее цветами. А глаза их пусты и безжизненны, улыбки застыли в оскале, лица начинают расплываться и превращаться в хищные злые морды.

Они, как зомби, надвигаются на нее, засыпая цветам и комплиментами.

Становится сложно дышать. Она задыхается, хочет вырваться, сделать вдох, но воздух не проникает в легкие. Открывает рот, пытается закричать, но крик застревает в горле.

Как султан в детской сказке про золотую антилопу, она закричала: «довольно!». И цветы превратились в черепки, погребая ее под собой.

А вокруг стояли люди со стеклянными пустыми глазами и оскалами на лицах. И молча смотрели, как она погибает.

«В целом, неплохо, только экспрессии не хватает, душечка».

С трудом вынырнула из черепков, сделала глубокий резкий вдох – и проснулась.

Она сидела на кровати в холодном поту, судорожно хватая ртом такой вкусный свежий холодный воздух.

Все, решила Лёлька, пришло время для тяжелой артиллерии.

Потихоньку соскользнула с кровати. Стася крепко спала, чуть приоткрыв рот и свесив руку.

Вышла в студию, прикрыла за собой дверь. Нашла не без труда сумку. Вытащила телефон. Набрала номер и зашептала:

– Маман, привет! Не разбудила? Извини! Ты сейчас в России? Можешь приехать?

Огорошив маму, женщину непреклонного возраста, великую и прекрасную художницу-авангардистку Элеонору Бенедиктовну Бродскую, просьбой, добавила: «Слушай, надо спасти человека, дело жизни и смерти».

Мама у Алевтины женщина занятая, каждый день расписан по минутам модными тусовками, выставками и приемами. Но с дочерью была рада лишней раз увидеться.

К тому же, она питала слабость к молодым художницам, любила им покровительствовать, давать советы, помогать деньгами и связями. Элен видела в этом свою миссию – увеличивать количество прекрасного в мире. «Кто же, если не я?» – томно вздыхала она.

– Конечно, деточка! Я как раз хотела передать тебе приглашение на закрытую вечеринку по случаю премьеры фильма одного известного режиссера! Запомню имя, но это не так важно. Главное, что я там присмотрела для тебя прекрасного кавалера!

– Ой, маман! Опять ты за свое?! – Лёльку передернуло. Она любила мать, но иногда хотела придурить.

– И не надо ойкать! Кто же позаботится о тебе, если не я?! Обо мне в свое время никто не позаботился, еще спасибо скажешь! К тому же, это еще не скоро, успеешь себя в порядок привести, может, на шейпинг походишь, в солярий. Давай, диктуй адрес.

Элен постоянно доставала для дочери билеты на разные интересные, в том числе, закрытые мероприятия, где собирались представители творческих профессий. Но не для того, чтобы способствовать профессиональным успехам дочери, работу Лёльки она больше воспринимала как хобби, а чтобы, во-первых, приобщить дочь к своему миру, и, во-вторых, познакомить ее с каким-нибудь достойным мужчиной.

С мужем Элеонора Бенедиктовна разошлась давно, когда дочери исполнилось два года. С тех пор изредка заводила романы, которые никогда не длились долго. В основном, мужчин она подбирала, как аксессуары. Этот подойдет для поездки в Париж, с этим не стыдно появиться на ковровой дорожке, с этим можно пойти на молодежную тусу, а этот будет удачно подчеркивать новое изумрудное платье на балу.

Ей пришлось нелегко после развода, одной, с маленьким ребенком на руках. Она считала, что виновата сама – неправильно подошла к выбору объекта. И для Лёльки хотела найти достойного жениха: «Я желаю тебе счастья, не хочу, чтобы ты страдала, как я».

Обычно пригласительные сопровождалась короткой запиской: «Там будет М., присмотришься, холост, богат, очень перспективный».

Лёлька кривилась, но шла.

Не то, чтобы она не хотела знакомиться с мужчинами. Хотела и верила, что где-то ждет ее прекрасный принц. Вернее, она согласна была и на не особо прекрасного, лишь бы любил, заботился, лишь бы ждал дома.

Но настойчивость маман в этом вопросе слегка раздражала. К тому же, вкусы у них были совершенно разные. Все эти богемные мужчины, изображающие тоску и усталость от жизни, влюбленные в себя, навевали скуку на Лёльку.

Она не представляла, как можно жить с этим каждый день! Тем более, из-за своей способности подстраиваться под настроение собеседника, чувствовать то же, что чувствует он, боялась сама увязнуть в этих ощущениях.

Воображение рисовало картину: сидят два таких уставших от жизни человека с утра пораньше, пьют горький чай, не менее горько вздыхают от мучительности того, что надо прожить еще один горький день... Бррр... Нет, это не для нее!

Лёлька задумалась. Не хотелось в очередной раз идти на поводу у маман. Опять ее будут ставить на стульчик, показывать товар лицом... Противно. Может, ну его?

Нет, Лёлька вспомнила, в каком виде застала Стасю в галерее. Тяжело вздохнула и решила:

– Ладно. Записывай адрес.

Элеонора Бенедиктовна водила спортивный Порше Кайен томатного цвета и любила погонять, особенно по ночному городу. Так что, Лёлька ожидала ее прибытия не позже обеда.

Легла обратно в кровать, но ей не спалось. Задремать удалось только под утро.

Проснулась от грохота. Резко села в кровати, не сразу сообразив, где находится. Потом память окатила прохладной волной.

Увидела Стасю в пижаме с медвежатами, с виноватым видом поднимающую только что поверженный стул. Та робко улыбнулась:

– Прости, я хотела потихоньку выбраться и заказать нам завтрак. И сварить кофе, безумно хочется кофе! Ты сама-то как после вчерашнего?

– Полностью одобряю и поддерживаю! Кофе! Кофе и красота спасут мир! Но какая же красота без кофе?!

И они направились на кухню. Лёлька принесла из студии пледы. На ночь они оставили окна открытыми, и сейчас квартиру заполнял по-осеннему прохладный, густой, пряный воздух.

Станислава поставила турку на огонь. Аромат кофе, корицы, гвоздики и мускатного ореха зашекетал ноздри. Разлила кофе по маленьким чашечкам, поставила на стол. И подруги, закутавшись в пледы, приступили к священнодействию – приветствию нового дня.

Заказали завтрак – вафли с бананом и шоколадом из соседнего кафе. Они уже выпили по две чашки кофе и перемазали руки и лица шоколадом, как вдруг у Лёльки зазвонил телефон:

– Дочка, кажется, я на месте, улица Пушкина, скоро буду.

Еще и одиннадцати нет. Во маман гоняет!

Теперь наступал неловкий момент: как объяснить Стасе, что сейчас к ним придет совершенно незнакомая женщина.

От раздумий Лёльку пробудил звонок в дверь. Что ж, пусть все само решится. Станислава, оставив чашку и удивленно бормоча «странно, кто это может быть?», побрела к двери.

Реакция художницы оказалась неожиданной.

Она на шаг отступила от двери, положив руки на сердце и широко раскрыв глаза, как будто призрака увидела.

Лёлька насторожилась, выглянула из-за плеча, – нет, все нормально, это всего лишь маман, в легком пальто с короткими рукавами нежно-розового цвета, замшевых голубых сапожках, высоких кожаных бежевых перчатках, на шее – яркий платок, на голове шляпка, на носу очки от Шанель в красной оправе.

Не то, чтобы у нее, действительно, было плохое зрение, но ей нравилась такая шикарная деталь в образе. «Стиль создается деталями», – говаривала она.

Увидев дочь, дама решительно шагнула вперед:

– Так, ну и где тут у нас юное дарование? Должно быть, это ты, милочка? Бонжур, дитя мое!

– Вы... Вы же... Это она... Сама Элен Бродская? Моя любимая художница! Но... как? Я что, сошла с ума и у меня галлюцинации?

– Уж как-как, а галлюцинацией меня еще никто не называл! – рассмеялась Элен.

Элеонора Бенедиктовна, художница-авангардистка, работала, в основном, в технике абстрактный экспрессионизм, обожала большие полотна, на которые наносила яркие краски разными предметами, в том числе, и собственным телом. Не сомневалась в своей гениальности и неповторимости и сумела в этом убедить почитателей.

– Э... Стася... Это моя мама...

– Мама?!

– Ага... Я позвала ее посмотреть на твои картины. Как я понимаю, ты о ней наслышана. Тогда ты, наверное, знаешь, что она помогает молодым художницам... – забормотала Лёлька.

Но молодая художница вряд ли ее слышала. Она с восторгом, удивлением и недоверием смотрела на самую Элен!

Элеонора же поздоровалась с девушками на французский манер, слегка прикоснувшись к их щекам, левой, правой и снова левой, а Лёльку еще обняла и погладила по макушке. А затем решительно приступила к делу.

Подошла к картинам и начала их рассматривать.

– А вот это неплохо, очень неплохо! Лёлочка, подойди, поддержи, я не могу понять, что за грязь тут.

– А это, маман, чужое мнение!

– Ах, вот оно что!

Какое-то время Элен вчитывалась в надписи, а потом снова рассматривала картины, держа их на вытянутых руках, отходя на расстояние и наклоняя голову в разные стороны, бормоча себе под нос что-то неразборчивое, с обрывками иностранных слов.

Потом решительно направилась к Станиславе, которая все еще благоговейно взирала на своего кумира, не веря глазам.

– Шарман, расслабься, присядь. Давай поболтаем, как коллега с коллегой, – она пресекла робкие возражения, отвела девушку на кухню, усадила на стул, сама села напротив.

– Лёлочка, завари мне, пожалуйста, чаю. А теперь скажи, милый ребенок, с чего ты взяла, что они лучше знают тебя? С какой стати ты им поверила?

– Но... при чем тут я? Надо же, чтобы картины нравились общественности...

– Почему ты так решила? Думаешь, мои работы нравятся всей общественности?

– Ну... – Стася замялась, а Лёлька вспомнила критические статьи по поводу работ Элен Бродской. Завистников и критиканов хватало.

– Конечно, я нравлюсь далеко не всем, и мои работы не всем заходят. Но ты должна понять, что это нормально! Слышишь? В своих работах я выражаю себя, свой мир, свою жизнь. Да, там узнаваемые сюжеты, но они пропущены через мое восприятие и слегка размыты, чтобы дать волю воображению людей. Вот на одной из картин у тебя написано «замысел автора не ясен», – но в этом и смысл! Скажи, тебе интересно читать детектив, где с первой же страницы понятно, кто убийца? Или когда автор дает ответы на все вопросы, разжевывает за читателя информацию и кладет ему в рот? Нет смысла рисовать очевидное, то, что все знают, это неинтересно! Надо рисовать то, что знаешь ты. Потому что это – уникально, неповторимо, и этого ни у кого нет. И еще оставлять людям возможность увидеть свое через тебя. Возможность задуматься и найти свои ответы.

Еще вчера Стася рассказывала, что именно так чувствовала искусство, именно это пыталась передать на холсте. Элен спросила:

– Все, что они говорят обо мне, моих картинах, о тебе, да и вообще о ком бы то ни было, – как думаешь, о ком они говорят в действительности?

Стася робко высказала догадку:

– О себе?

– Ну конечно! Все люди говорят о себе! По сути, больше им никто неинтересен. Да и что они могут знать? С чего ты взяла, что они лучше тебя знают о четкости линий, яркости красок... Более того, вот сказала некая дама, что четкости линий не хватает. А ты поинтересуйся на досуге ее жизнью. Уверена, обнаружишь, что ей самой не хватает четкости линий, все зыбко и размыто. Твои картины просто напомнили об этом и открыли смутное желание расставить все по местам, навести порядок в жизни. Понимаешь? И это прекрасно! Несоответствие желаемого с действительным, ощущение похожести с ее собственной жизнью порождает неудовлетворенность, которую она и высказывает тебе. Истинные ценители и думающие люди через искусство познают себя, себе задают эти вопросы. Ну а некоторым слишком страшно посмотреть на собственную жизнь и признаться в том, что она не удалась, поэтому они идут критиковать других. Так им спокойнее живется. Но это никакого отношения не имеет к тебе! Ферштейн, майне либе?

Станислава увлеченно кивала, в глазах появился блеск понимания.

Лёлька утонула в ее ощущениях, какое-то новое чувство захлестнуло ее, бежало по венам, вырывалось наружу, заполняло комнату, студию, дом, улицу, весь мир вокруг. Это было разрешение быть собой в своем творчестве. Разрешение жить. Лёлке хотелось плакать, танцевать, кричать, смеяться, как будто вдруг слетели внутренние оковы.

– Ответь мне, только честно: для чего ты рисуешь, зачем тебе это?

– В этом... в этом я живу, в этом я настоящая. В этом моя связь с миром, моя дань миру и мое благословение. Без этого меня нет.

– Тогда, деточка, ты просто не имеешь права, ни перед собой, ни перед миром выпускать кисть из рук. Как бы тебе ни было плохо, ты выбрала свой путь. Ты выбрала его еще до своего рождения. Я думаю, ты чувствуешь это. Поэтому – рисуй!

Она встала, взяла девушку двумя руками за голову, поцеловала в лоб.

Лёлька смахнула слезу. Она в очередной раз восхищалась, как ловко и изящно маман выражалась, как ухватывала самую суть. Порой не замечала элементарных бытовых вещей и жутко раздражала, но в глобальных вопросах смыслила куда больше современных философов. Эх, никогда ей не стать такой.

– Спасибо! – прошептала она.

Элеонора Бенедиктовна обняла дочь:

– Тебе спасибо! Это настоящий талант, девочка далеко пойдет. Ты ей потом оставь мои контакты, когда она успокоится и придет в себя. Пусть заскочит ко мне в мастерскую. Дам ей пару уроков. Нет, не рисования, тут как раз и мне есть, чему у нее поучиться. А как относиться к почтеннейшей публике и ее ценнейшему мнению обо всем на свете.

Сунув в руки ошалевшей Станиславе чашку с чаем, к которой так и не притронулась Элен, Лёлька проводила родительницу.

Напоследок та еще раз осмотрела работы художницы, то одобрительно кивала, то сокрушенно качала головой, глядя на неаккуратные черные кляксы.

Затем повернулась к Лёльке, вытащила из сумочки крокодиловой кожи большой конверт и вручила дочери. Не слушая возражений, заговорила:

– Вот, деточка, ознакомься, там же и досье на объект, зовут Павел, актер, молодое дарование, далеко пойдет. И отец его приятнейший джентльмен, – по загадочному тону Лёлька поняла, что это ее очередная пассия. – Обязательно надень что-нибудь приличное на вечеринку. А не эти вот... джинсы, свитера непонятные. Не подведи меня!

Лёлька фыркнула, но после того, что маман сделала для Стаси, воевать не хотелось. Поэтому она лишь чмокнула мать в щечку.

Элеонора Бенедиктовна села в машину и умчалась по своим многочисленным делам, оставив после себя шлейф дорогих духов, надежды и странных предчувствий.

Лёлька же вернулась на кухню, у нее появилась идея.

– Знаешь что? Собирай-ка в сумку краски и кисти и пошли прогуляемся в галерею.

– А зачем? Она ведь еще закрыта для посещений, открывается только в шесть.

– Вот и отлично! Как раз успеем.

– Что успеем?

– Увидишь! Давай, давай, пошли, умываться, одеваться, собираться...

Она взяла Стасю за плечи и подтолкнула в сторону комнаты. А сама отправилась собирать краски и кое-что еще для воплощения задуманного.

Через час девушки были свежи и прекрасны, нарядно одеты и готовы прогнать этот изменчивый мир под себя, как поется в известной песне.

Бодро дошагали до галереи, шурша листьями и улыбаясь друг другу и своим мыслям.

Лёлька потребовала два рабочих халата, расставила банки с красками, открыла, взяла кисточку и, затаив дыхание, – не знала, как художница отреагирует на такое святотатство – подошла к картине и сделала несколько мазков.

Испуганно обернулась.

На лице Станиславы сначала отразилось удивление. А потом она озорно улыбнулась. Взяла две широкие кисти в руки, окунула в разные банки и смачно брызнула на одну из картин.

Краски стекали, смешивались, образуя странные узоры.

А Стася вдруг звонко рассмеялась. Лёлька подхватила ее смех.

Девушки не понимали, что их так развеселило, но не могли остановиться. Они хватали друг друга руками, сгибались пополам и смеялись, смеялись до слез!

А потом увлеченно размахивали кистями, бегая, как ненормальные, по всей студии. Руки и халаты перепачкались. На всех картинах было буйство ярких красок, выходящее за пределы холста, капли попали на стены и пол.

Ближе к шести девушки навели какое-то подобие порядка. Наскоро отмыли руки, переоделись в нарядную одежду.

Тогда Лёлька достала из сумки припасенный сюрприз. Картину. Поверх ярких красок чернели кляксы с критикой. Девушки переглянулись. А затем повесили картину в центре экспозиции и соорудили табличку, на которой написали: «Чужое мнение».

В начале седьмого пришли первые гости. И остолбенели.

Уж чего-чего, а равнодушия точно не было на их лицах.

Они переходили от картины к картине. Последний шедевр произвел наибольшее впечатление. Одна дама вытащила телефон: «Приезжай, ты должен это увидеть, захвати фото и видео аппаратуру. И Марата позови».

К семи часам зал был полон. Лёлька посмотрела на художницу. Та, раскрасневшаяся и растерянная, стояла около столика с закусками, смущенно выслушивала комплименты.

На руках позвякивали браслеты, в ушах были длинные сережки. На шее – несколько разноцветных бус.

Лёлька подумала: «Как же она прекрасна! Хотелось бы и мне хоть чуть-чуть быть похожей на нее! Хоть чуточку быть такой же талантливой и необычной».

Она поймала свое отражение в оконном стекле и смиренно вздохнула. Видно, судьба ее такая – быть посредственностью, серой мышкой, обычной девочкой на побегушках в общей массе ничем непримечательных людей, с неидеальной фигурой и неказистой внешностью.

Она вынула из сумки фотоаппарат. Теперь можно приступать к работе. Засняла ценителей искусства, некоторые картины и, конечно, саму виновницу торжества, сияющую, еще до конца не осознавшую, что произошло.

До самого закрытия выставки Лёлька помогала художнице угощать посетителей, встречать и провожать именитых гостей.

Под конец прибыли репортеры новостных каналов и изданий. Лёлька познакомилась с коллегами, вдруг пригодится.

Когда стемнело, шампанское было выпито, канапе съедены, а галерея опустела, девушки молча брели по пустынным улицам рука об руку.

Моросил легкий дождик. Стася подняла голову и ловила капли ртом, будто вновь ощутила вкус жизни.

Дома они выпили душистого травяного чая и поужинали спелой дыней с сыром. Устав от переживаний, девушки клевали носами, глаза слипались. Они быстро облачились в пижамы и отправились спать.

Лёльке в пять утра надо было выдвигаться на поезд.

Когда сработал будильник, Стася в кровати не оказалось. Лёлька услышала приглушенную музыку. Тихонько пробралась в студию и увидела художницу за работой.

На мольберте перед ней располагался большой холст. Вокруг – банки с красками, листы, на которых она смешивала цвета, посудины с грязной водой, груды кисточек разных форм и размеров.

Стася, в пижаме, уже изрядно покрытой разноцветными пятнами, перелетала от одной банки к другой, брала то одну, то другую кисть и наносила широкие смелые мазки на холст. Это было похоже на прекрасный танец.

Лёлька решила не мешать процессу. Приняла душ, перекусила остатками дыни. И тихонько, на цыпочках, прокралась мимо увлеченной художницы, у которой теперь краска была даже на носу.

Оставила новой подруге записку с номером телефона. Лёлька была уверена, что это не последняя встреча. И чувствовала, что все было не зря. Даже конверт от маман, с трудом поместившийся в сумку, не портил настроения.

Улыбаясь, она шагала она по улицам просыпающегося города. Сначала дорогу освещали фонари, и их желтовато-оранжевый свет смешивался с молочным светом нового дня. Потом фонари погасли.

А когда она подходила к вокзалу, показались первые лучи солнца.

Купила билет у сонной кассирши. Через двадцать минут колеса поезда мерно отстукивали пробегавшие мимо километры.

Лёлька достала блокнот. Никанор Иванович ждет от нее материалы сегодня. Взяла карандаш и начала писать, сначала медленно и неуверенно, потом все быстрее.

«Посетители молча разглядывали картины талантливой художницы Станиславы Мореходовой. Что-то смутно знакомое виделось им в мазках краски, постоянно ускользало и манило за собой. И они часами не могли оторваться от созерцания, потому что, быть может, впервые за свою долгую жизнь, встретились с главным человеком своей жизни, – с собой».

Лёлька подозревала, что практичный редактор вырежет лирические измышления, но очень уж хотелось выразить чувства, теснившиеся в душе.

Закрыла блокнот, убрала в сумку. Удовлетворенно вздохнула и прислонилась виском к окну.

Да, быть может, она не все сделала правильно. Но кто определяет это правильно? Она не училась писать статьи, зато у нее есть свои мысли. И она хочет ими делиться.

Было спокойно и хорошо, как каждый раз после очередного выполненного задания. И где-то в глубине души зарождалось предвкушение нового приключения.

Вышла из вагона, вызывала такси. Подумала: «Вот было бы здорово, если бы дома меня кто-то ждал!».

Потом вспомнила масляные глазки работодателя, внезапно вспыхнувшего нежными чувствами после одного из таких посылов во вселенную, поморщилась и быстренько прогнала ненужные мысли.

Доехала быстро, вышла из машины и увидела в окнах свет – дома ее, действительно, кто-то ждал.

Сердце замерло в недобрых предчувствиях. Быстро взлетела на свой этаж, открыла дверь...

И сразу расслабилась. Услышала знакомый смех – подруги Олеся и Флёр решили встретить ее из командировки.

У ног уже терся верный друг Василий.

Потрепав его по загривку, Лёлька улыбнулась, стянула кроссовки и поспешила в тепло и свет своей маленькой кухни.

Глава 2. Главный вопрос

– Зайдите ко мне после обеда, Лёлечка, – с загадочным видом сказал Никанор Иванович, проходя с утра в свой кабинет.

О ужас, неужели опять скажет, что пора писать самой?

В придачу сильно болел живот. Она подозревала, что это не ее боль, а Жанны, с мученическим видом смотревшей в монитор за соседним столом.

Порылась в сумочке, достала таблетку ношпы и молча положила перед копирайтером. Та посмотрела на таблетку, потом удивленно на Лёльку.

– С-спасибо. Откуда ты знаешь? Правда, мне уже стало легче, но все равно спасибо!

Пожала плечами. Хотела бы и сама знать – откуда? Но так уж вышло, что она могла влезть в шкуру другого человека на время. Тем самым облегчив его боль.

Неплохо было бы успокоить и собственные переживания и разделить с кем-нибудь страхи. Но увы.

Пару недель назад она сдала материал про выставку Станиславы, его даже почти не редактировали, опубликовали, как есть. Начальник восторгался: «Ну я же знал, что у вас талант, милочка!».

Ага, талант... С тех пор ничего не получалось. Она пробовала набирать заметки из блокнота после посещения мероприятий. Выходила сухая констатация фактов, как криминальная хроника: «Пришел, увидел, сделал, нарисовал, выставил, заработал». Все попытки придать этому художественный вид проваливались. Она набирала и стирала витиеватые обороты. Как же это удастся Жанне? И почему не получается у нее?

В детстве Лёлка мечтала стать журналисткой. Вернее, тогда она не знала, что это так называется, но постоянно вела с куклами репортажи, писала заметки и рассказы.

Вдруг вспомнился эпизод: она, маленькая, в сером пальтишке, цепляется за руку маман. А та в ярком красном пальто и леопардовом шарфе гордо вышагивает по мостовой, не глядя на дочь. Прохожие оборачиваются ей вслед. А Лёлка думает: «Когда вырасту – обязательно буду как мама!»

Но чем взрослее становилась, тем лучше понимала – никогда ей не стать такой. Шикарной, талантливой, уверенной в себе. Нет, это не для нее.

Теперь появилась возможность воплотить детскую мечту. Но было страшно. Вдруг она убедится, что ни на что не способна? Разочарует работодателей и, в первую очередь, себя?

Представляла, как маман будет печально качать головой, мол, я так и знала, что ж теперь поделать? Не могут в семье все быть талантливы. Конечно, она ничего не скажет, чтобы не обидеть дочь. Но этого взгляда Лёлка не переживет.

По возвращению из города В. тайком записалась на курсы по журналистике. Там ее учили живописать криминальную хронику, и теперь она не могла без содрогания видеть газеты. Но мужественно продолжала ходить и выполнять задания.

Лёлка посмотрела на часы – пора на ковер. Тяжело вздохнув, поднялась с места и направилась к кабинету начальника.

– А, это вы, Лёлечка! Проходите, проходите, я давно вас жду! Присаживайтесь!

Лёлка опустила в кресло для посетителей. А Никанор Иванович встал, выпрямился, приложил одну руку к груди и громко продекламировал:

– Алевтина Маратовна, спешу вас поздравить с официальным вступлением в должность специального корреспондента журнала «Искусство жить»! Все, теперь сами будете писать! С нетерпением жду завтрашний материал в вашем исполнении! Хочу пожелать вам на новом месте...

Лёлька не слышала, что он говорил дальше. Сердце ухнуло в пятки, руки похолодели. Все оказалось даже серьезнее, чем она думала. Теперь ей не просто надо попробовать писать самой, теперь – это ее прямая обязанность.

– М-можно мне водички? – наконец выговорила она.

Никанор Иванович засуетился, бросился к кувшину с водой, стоявшему на тумбочке у двери, запнулся и выплеснул все содержимое на Лёльку. Смutilся, стал извиняться, полез за салфетками.

Зато Лёлька пришла в себя и, пока Никанор Иванович шуршал в шкафу в поисках салфеток, быстренько ретировалась из кабинета и направилась в уборную – ей надо было все обдумать, а это единственное место, где можно уединиться.

Заскочила в свободную кабинку, села на крышку. Так, что мы имеем. Больше нет оправданий и прикрытий, пан или пропал! Но можно же, наверное, отказаться? Вот прямо сейчас сказать, что она не готова, попросить немного времени. Никанор Иванович поймет и пойдет навстречу.

Лёльке захотелось поделиться с кем-нибудь, посоветоваться, да просто высказать мысли, теснившиеся в голове, проговорить все «за» и «против». Она часто так делала, и в разговоре находила ответ на вопрос. Подруги шутили: «Ты сейчас нас пытаешься убедить или себя?».

Так, кому позвонить? Лёлька достала телефон из кармана и начала листать список контактов. Флёр.

– Абонент не отвечает или временно недоступен.

Олеся. Голосовая почта:

– Хэллоу, я сейчас занята, в офисе или на беговой дорожке, оставьте сообщение после сигнала и, пожалуйста, будьте кратки, экономьте свое и мое время.

Что ж, оставалась только маман. Вообще Лёлька не очень любила говорить с ней о своих делах, неизвестно, чего от нее ожидать, но решила рискнуть. Вдруг посоветует что-нибудь дельное?

– Бонжур, машер! Как ты, деточка? Что-то случилось?

Лёлька сбивчиво поведала маман о повышении и своих опасениях:

– В общем, я не знаю, радоваться и соглашаться или же попросить еще время на подготовку...

– Ох, детка, я половины не уловила, помехи, но к Никанору...

Лёлька не услышала окончания реплики. В трубке раздалось шипение и потом короткие гудки.

– Алло? Маман? – она озадаченно посмотрела на телефон. Не везет сегодня с собеседниками.

Закрыла глаза и попыталась вспомнить дыхательные техники, которым ее учила Флёр. Она не знала, сколько так просидела. Дыхание выровнялось, мысли успокоились.

Из дзена ее выдернул какой-то странный шум в коридоре и... знакомый голос.

Который она только что слышала по телефону.

Лёлька подскочила на своем неудобном сиденье. Маман! Вот это форзац, что она тут делает?! Так и знала, что не надо звонить ей, добром это не кончится.

Выскочила из уборной, но было поздно. Маман скрылась в кабинете начальника. Все сотрудники поднялись со своих мест и с интересом смотрели на закрытую дверь. Да уж, Элеонора Бродская умела произвести впечатление.

Зачем она пришла к Никанору Ивановичу? О чем говорит с ним?

Богатое воображение Лёльки нарисовало картину, как маман угрожающе нависает над начальником и выговаривает ему:

– Я не позволю обижать мою дочь! Как вы посмели! Какой журналист?! Девочка ма-те-ма-тик, не гуманитарий! Вы поиздеваться над ней решили?! Немедленно верните все как было!

Нет, бред. Маман, конечно, способна на всякие сумасбродства, но не настолько же. Да и с Никанором Ивановичем она знакома лишь поверхностно, чтобы выговаривать ему подобным образом.

Раздался грохот. Надо было что-то делать. Лёлька направилась к кабинету под любопытными взорами коллег. Открыла дверь и... Никанор Иванович был под столом! Лёлька растерялась. Маман его туда загнала? Громко выпалила:

– Никанор Иванович! Я согласна на новую должность. И буду писать. Пусть я никогда этого не делала, но готова попробовать и постараюсь оправдать ваше доверие.

Потом развернулась, твердо и грозно посмотрела на маман, еще раз повторила:

– Я буду писать.

И вышла из кабинета.

Прислонилась спиной к двери. Услышала удивленный голос Элен:

– Что это было?

Потом приглушенный ответ Никанора Ивановича, видимо, тот все еще не выполз из укрытия, до Лёльки долетели только обрывки фраз:

– ... переживает... новая должность... специальный корреспондент...

И снова Элен:

– Ах, вот оно что! Теперь все понятно...

Потом грохот и уже более звонкий голос начальника:

– Нашел! Вот она, визиточка, завалилась под стол! Вот, очень заинтересованный человек. Если, говорит, судьба сведет вас с Элеонорой Бродской, непременно передайте, что буду очень рад сотрудничеству. Я могу полностью за него поручиться.

Ой, как стыдно! Вот это уж точно форзац. Оказывается, маман здесь по своим делам. Лёлька опустила глаза и молча прошествовала к выходу, захватив по пути сумку и пальто.

Сама не заметила, как отмахала полквартала. Постепенно успокаиваясь, замедлила шаг и принялась размышлять. Как уж она могла заподозрить маман в разборках с Никанором Ивановичем? Да еще и на должность согласилась, приняла решение на эмоциях, а, может, все же, стоило повременить?

Нет. Она, действительно, хочет попробовать. Детская мечта давала о себе знать легкой щекоткой в душе.

Придя домой, села перед экраном компьютера, открыла документ.

Смотрела на белый лист, и ей казалось, что в голове у нее также бело и чисто. Начинала писать и стирала. Все не нравилось, мысли не шли.

Надо успокоиться.

Стала перебирать вещи на столе – материалы для плетения ловцов снов, бусины для изготовления украшений, этнические безделушки. Это влияние Флёр.

Лёлька постоянно проживала жизни подружек, примеряя их настроение и привычки. Перенимала манеру говорить, двигаться, одеваться. Дома обстановка тоже постоянно менялась. Сходит в гости, проникнется атмосферой, ощущениями хозяйки, – и начинаются перестановки, появляются новые предметы.

Она могла понять, что движет человеком, почувствовать себя в его шкуре. Иногда видела образы и картинки из жизни или тайные желания и мечты. Поэтому ей так нравилась ее работа – можно было на время стать писателем, художником, поэтом, модельером, стилистом...

Отпускало ее так же внезапно, как и захватывало. И она чувствовала опустошение и оцепенение.

Это было самое страшное – столкнуться с пустотой один на один. У нее не было ответа на вопрос «Кто я?». А вдруг ответом будет «Никто, пустота»? Она не понимала, какая она, когда не жила чужой жизнью, и предпочитала даже не задумываться об этом.

Снова вернулась к написанию статьи.

Через час мучений и метаний набрала: «Заявление. Прошу уволить меня по собственному...». Да, это у нее прекрасно получилось.

Неужели сдаваться?

Горько вздохнув, Лёлька направилась к холодильнику. Соорудила двухэтажный бутерброд, заварила кофе – добавила побольше какао, корицы и ванили. Уселась перед монитором и собралась оплакивать и заедать свое горе. Даже сделала первый глоток и откусила огромный кусок от своего чудо-бутерброда. Как вдруг...

Раздался звонок в дверь.

Неожиданно. Время близилось к вечеру. Она никого не ждала.

Поплелась к двери, с опаской посмотрела в дверной глазок.

Ох! Как? Зачем? Может, не открывать? Затаиться? Ее нет дома!

Поздно.

– Деточка, открывай, я слышу, как ты дышишь.

Пришлось открыть. Лёлька чувствовала себя виноватой за выходку в офисе и потупила взгляд.

Элеонора же стремительно вошла в комнату, таща Лёльку за собой. В руках у нее был большой пакет.

– Давай, машер, не тяни, одевайся скорее. Мы опаздываем. Хм, пожалуй, стоит принять душ. А это что? Горчица? Майонез? Деточка, ты забыла про свои бока?! Выброси эту дрянь! Давай, давай, быстро в душ и одеваться! Я принесла тебе нормальную одежду.

Лёлька от удивления чуть не подавилась куском бутерброда, который так и не успела проглотить.

– Ку... куда? Куда опаздываем?

– Не задавай лишних вопросов! Для тебя же стараюсь!

– Ну, маман, ты превзошла саму себя! Опять, что ли, женихи?

– Это совсем другое! Давай, давай, поторопись! Тебе понравится, обещаю!

Неизвестно, что двигало Лёлькой, то ли чувство вины, то ли безнадега – терять было нечего. Но она послушно отправилась в душ. К тому же, зная маман, проще было согласиться и побыстрее сделать все, что та хочет. Иначе не отвяжется.

Пришлось влезть и в платье, украшенное крупными темно-синими цветами. Ну что у нее за вкус? Лёлька почувствовала себя клумбой. Впечатление усилилось, когда маман щедро спрыснула дочь дорогим парфюмом.

Потом распустила Лёлькин хвост, распушила волосы. Подкрасила губы яркой помадой.

– Ну вот, теперь хоть на человека похожа. Давай, быстро в машину!

Лёлька только и успела накинуть пальто, намотать шарф, да захватить сумку. Они бегом спустились по лестнице, запрыгнули в томатный Порше, и машина с ревом сорвалась с места.

– Куда хоть мы едем?

– Говоришь, хочешь писать? Что ж, лучше Ральфа Малиновского тебя никто не научит! Мы едем на его закрытую встречу.

Лёлька пропустила слово «закрытую» мимо ушей и не насторожилась. Знала бы она, что ее ждет. Быть может, и не села бы в машину. Хотя...

Она вспоминала, что слышала от маман про Ральфа, ее бывшего ухажера, писателя и фото-художника. Он был известен лишь в узких кругах и вполне этим доволен.

Рассказывая про короткий и страстный роман с Ральфом, маман обычно томно закатывала глаза, бормоча «потрясающий мужчина». Он посвятил ей несколько строк, чем она страшно гордилась:

*«Прекрасная женщина на белых простынях,
Солнечные блики запутались в волосах,*

Лучшая приправа к утренней чашке кофе».

Лёлька не понимала, чем тут можно гордиться. И не знала, почему они расстались. Маман не хотела рассказывать, а Лёлька не настаивала.

Кроме этих строк и восхищенных отзывов родительницы, она ничего не знала про Ральфа, не была знакома с его творчеством. И вообще с писателями до этого не встречалась.

Элен за пару секунд исполнила параллельную парковку задним ходом. Лёлька восхищенно покачала головой. Ни разу не видела такого безупречного исполнения. Ни Флёр, ни Олеся, постоянно передвигающиеся за рулем, не обладали такими талантами и парковались уверенно, но медленно.

Лёлька выбралась из машины, обернулась и застыла. Маман лихо выруливала, чтобы... что, уехать? Она подбежала и наклонилась к окну:

– Маман, ты чего?

– Деточка, я внезапно вспомнила, что у меня сегодня куча дел! А ты иди, иди! Я же ради тебя старалась. Только знаешь, что... Ты, пожалуй, не говори, что ты из журнала. Так, на всякий случай...

Потрясенная Лёлька смотрела широко раскрытыми глазами, как исчезают вдаль задние огни Порше.

Вот вечно с ней так! И что дальше? Ладно, раз уж пришла, почему бы не сходить, в самом деле. Робко зашла внутрь. Вздрыгнула, увидев человека, но это было всего лишь ее отражение.

Она даже не успела посмотреться в зеркало перед выходом! Ох уж это платье в крупный цветок. Достала расческу, быстро привела волосы в порядок, забрала в привычный хвост. Стерла яркую помаду салфеткой. Намотала потолще шарф. Вполне можно жить.

Зашла в зал и замерла в восхищении. Высоченные потолки, огромные окна, потрескавшиеся деревянные двери с резными металлическими ручками, стены из красного выцветшего кирпича. Она любила такие старинные здания, хранящие пыль и свет прошлых лет.

Лёлька аккуратно опустилась на стул и стала рассматривать других гостей. Казалось, тут все друг друга знали, здоровались, переговаривались шепотом.

Вдруг разговоры смолкли. Лысый мужчина с широченной спиной, сидевший на первом ряду, поднялся и вышел вперед. Сцены не было, он просто встал перед зрителями. Тусклое освещение, горел только торшер в углу. Видимо, так создавали поэтическую атмосферу.

Черная футболка туго обтягивала накачанные бицепсы и кубики на животе. Черные узкие джинсы сидели как влитые на длинных мускулистых ногах. Похоже, он провел не один год, приседая со штангой в спортзале.

Это работник? Что он собирается делать? Таскать стулья для тех, кому не хватило места? Но вдруг он заговорил:

– Добро пожаловать, рад вас всех видеть на презентации моей новой книги.

Лёлька вытаращила глаза. Это он? Поэт-романтик? Простыни, солнечные блики и чашка кофе?..

Вот это да! Теперь она понимала томные вздохи маман.

Высокий и тонкий голос удивительно не соответствовал внешности. Но постепенно это перестало иметь значение, гораздо важнее был смысл сказанного.

Она заметила его пронизательные серые глаза, в которых читалось, что он многое пережил и повидал, чуть грустную полуулыбку.

Говорил он медленно и плавно, слегка торжественно. Иногда скупо жестикулировал. Казалось, хочет проникнуть взглядом в каждого слушателя.

Он начал с чтения своих стихов, и Лёлька пропала. Короткие меткие фразы били точно в цель. Их смысл ускользал и терялся на задворках сознания, вызывая какие-то смутные образы и ощущения. Поднимая вопросы и заставляя сердце сжиматься от предвкушения чего-то прекрасного.

Лёлька утонула в этом человеке, растворилась в нем и почувствовала то, что чувствовал он. Смотрела на него широко открытыми глазами и ощущала томление его души, острое одиночество, видела красоту этого мира, слепящую глаза, и чувствовала неудержимое желание поймать ее и запечатлеть на бумаге.

Постоянный голод, который можно было утолить лишь с помощью объектива, карандашей, кистей и букв. И ей самой безумно захотелось писать. Она испытывала бурю разных чувств, которые рвались на бумагу.

В голове или в душе рождались собственные строчки, которые вторили услышанному. Она потихоньку достала блокнот и быстрыми судорожными движениями пыталась поймать обрывки его слов и своих мыслей.

– Я не пишу стихи, я просто слушаю и записываю. Они приходят изнутри или откуда-то... из космоса. Они просто есть во мне, – тем временем говорил Ральф. – Главное – не думать, а внимательно слушать, довериться себе и вселенной.

Да-да, подумала Лёлька, как это правильно! Слушать и записывать! Довериться! Все есть во мне самой!

После презентации настало время обсуждений и ответов на вопросы.

Лёлька задумалась о своем, переваривая услышанное. Вынырнула из мыслей от того, что кто-то протягивал ей микрофон. Вдруг осознала, что сидит с поднятой рукой.

Страх волной пробежал от макушки до пяток, на ладонях выступил холодный пот. А Ральф подошел ближе и смотрел на нее внимательным взглядом. Лёльку обдало жаром, как будто он заглянул в ее душу и все про нее понял.

– Хм... Кого-то вы мне напоминаете, – произнес он задумчиво.

Лёлька, без задней мысли, выпалила:

– Возможно, мою маму, Элен Бродскую, я слышала, вы с ней были... знакомы. Я представитель журнала «Искусство жить», – отчеканила она по привычке дежурное приветствие.

И тут случилось странное. По залу прокатился ропот, кто-то ахнул. Все вдруг резко повернулись и уставились на Лёльку. Несмотря на приглушенный свет, она чувствовала себя как под лучами прожекторов. Повисла напряженная тишина. Молчание затягивалось, все перевели взгляд на Ральфа и начали перешептываться. Лёлька хотела было заговорить, как вдруг Ральф остановил ее, подняв руку.

Посмотрела на него и удивилась еще больше. Он покраснел, даже побагровел, смотрел со злостью, мышцы на руках напряглись, не хотелось бы ей сейчас оказаться на месте боксерской груши рядом с ним. Голос сорвался чуть ли не на визг:

– Да как вы смеете?! Кто пустил ее сюда?! Журналистам вход строго воспрещен!

Он указал рукой куда-то за спину, и только сейчас Лёлька увидела, что по всему залу расклеены таблички с красными буквами: «Прессе вход строго воспрещен».

– Шпионка! Выставить ее отсюда вон!

Казалось, он сейчас затопает ногами, как маленький ребенок, или упадет на пол и будет биться в истерике.

Что все это значит? Соседка справа наклонилась к Лёльке и быстро зашептала:

– Вы что, не слышали про скандал? Элен натравила на Ральфа журналистов, а те разодрали его на кусочки, у него потом был нервный срыв, полгода не мог писать, еле оклемался. Неужели газет не читаете, представитель журнала?

Ну маман! Ну удружила! Теперь понятно, почему она скромно отводила глаза. Совершенно в ее стиле.

Лёлька уже повесила сумку на плечо, глаза были на мокром месте. Все правильно. Куда она полезла? Не надо было никуда ехать. Ведь она уже все решила.

Стоп. Она вспомнила, как заявила начальнику: «Я буду писать!». И решила именно это – она попробует! Она не сдастся. Опустила обратно сумку, взяла микрофон и, глядя Ральфу прямо в глаза, твердо произнесла:

– Я – не моя мать. И представители прессы бывают разные, нельзя судить обо всех людях по одному инциденту. И я не уйду, пока не задам свой вопрос.

Ральф, успевший взять себя в руки, посмотрел на нее с интересом.

– Вообще-то, подобным напором вы как раз в свою мать. Что ж, давайте, задавайте. Но подумайте хорошенько. У вас только один шанс. Если вопрос мне не понравится, – вы отсюда уйдете. Сразу, без ответа и без скандала.

Лёлька кивнула. В голове крутился вихрь: «Что побудило вас писать? Что вас мотивирует? Почему избрали именно это мастерство? Что больше привлекает, фотография, рисование или писательство? Как вы пришли к тому, чтобы совместить фотографию, рисунки и стихи? Что вы хотите сказать миру?». Все не то, не то...

И вдруг, все вопросы вылетели из головы и остался только один.

«Кто я?».

Какое отношение это имело к писателю и к писательству? Неважно. Это тот самый вопрос, ради которого она здесь.

Она поднесла микрофон к губам и дрожащим голосом спросила:

– Как вы поняли, кто вы?

Писатель на минуту задумался. В зале еще стояла тишина. Все ждали, как поступит Ральф. Вышвырнет наглую журналистку вон? Или же ответит?

Последовала долгая пауза, во время которой Лёлька не осмеливалась даже дышать. Затем, почесывая подборок пальцами и задумчиво глядя девушке в глаза, писатель произнес:

– Я просто делаю то, что не могу не делать. Не думаю, выражаю то, что рвется изнутри. Не создаю этому помех. Наш мозг может придумать множество разных историй о том, кто мы: дети, родители, работники, фотографы, писатели... и все эти истории накладывают определенные обязательства.

Лёлька потихоньку выдохнула. Кажется, пронесло и можно расслабиться?

А Ральф, наконец, перестав смотреть только на Лёльку, продолжил:

– Но что, если отключить сознание? И просто идти за внутренним ощущением и делать то, что хочется делать в каждый момент. Когда я вижу красоту в разных проявлениях реальности, руки сами тянутся за камерой или карандашом или ручкой. Когда просыпаюсь утром, я чувствую, как в теле рождаются строки и образы. Я ничего не придумываю, лишь позволяю чему-то важному прийти через меня в мир. И это происходит без напряжения, потому что это не обязанность, а необходимость. Я ответил на ваш вопрос?

Он опять обратился к Лёльке. Та уже менее уверенным голосом попросила:

– Наверное... Но не могли бы вы еще пояснить, чем же плохо быть детьми, родителями, работниками? Ведь это тоже части нас. И да, у нас есть определенные обязательства. И почему же все люди задаются вопросом – «кто я?». Если все так просто, как вы говорите, почему люди мучаются в попытках найти ответ?

– На самом деле, все не так просто, – он грустно улыбнулся. – Вернее, просто, когда ты можешь это почувствовать. Я никогда не умел учиться, в школе постоянно получал двойки, в институт еле поступил и не закончил. Но в какой-то момент научился учиться у себя и у этого мира. Слышать себя и доверять. Боюсь, что большинство людей вместо этого приучаются учиться у других. Поэтому они всегда слушают не там. Они слушают, что говорят другие. Им нужно какое-то обозначение ролей и обязанностей, чтобы чувствовать себя спокойно. Нужна инструкция, как жить. У меня же никогда не было такой инструкции. Часто знания мешают увидеть и почувствовать истину.

Ральф взял со стола книгу, перелистал и прочитал:

*«Ты умница!» – и она стала отличницей.
«Ты не справишься» – и она провалила экзамены.
«Зато красивая, выйдешь замуж удачно» —
И она получила штамп в паспорте.
«Ты менеджер» – и она исполняла обязанности.
А как-то решила, что она волшебница,
И наколдовала себе счастье.*

Затем пролистнул несколько страниц и зачитал еще одно стихотворение:

*Мы – сплетение мыслей, помыслов и цитат,
Чужого мнения, критики, «сиди смиренно и не высовывайся».
Только многие не могут вспомнить,
Что в нас заложены способности
Плести себя своими руками.*

Этого было слишком много. Ей надо все переварить, понять, обдумать. Она отдала микрофон и опустилась на стул. Кажется, никто больше не собирался ее выгонять.

Мозг взрывался разными мыслями, душу переполняли чувства. Какое-то время она даже не следила за происходящим. Были еще вопросы и ответы.

Затем она вновь подняла руку и спросила:

– Что вы можете посоветовать начинающим писателям? Тем, которые боятся чистого листа.

Он задумчиво улыбнулся и сказал:

– Пропускайте через себя и пишите о себе, своих чувствах, о том, что видите и чувствуете вы. Но так, чтобы каждый мог прочесть между строк про себя. Людям не интересно читать общеизвестные истины, то, что они уже знают.

– Да, но... Чего же они не знают?

– Они не знают вас. И себя.

После презентации Лёлька купила книгу и встала в очередь за автографом. Она заметила татуировку у писателя на бицепсе и уставилась на нее, пытаясь разобрать буквы. За этим ее и застукали.

Ральф задрал повыше рукав и прочитал:

– *Laisse tomber ce que tu n'es pas*, отбрось все, что не ты.

Французский. Понятно, еще одна стрела в сердце маман.

Он улыбнулся, протянул руку, взял книгу. Внимательно посмотрел на журналистку, а потом написал мелким убористым почерком:

«Все места уже заняты, кроме твоего собственного».

После мероприятия Лёлька укуталась в пальто и шарф, натянула перчатки и отправилась домой пешком. Время было позднее, горели фонари. В воздухе уже пахло осенью.

Она ощущала себя по-другому, по-новому смотрела на камни мостовой, дома, заборы, деревья... Воздух был как-то особенно вкусен и свеж, хотелось вдыхать его как можно глубже.

«Все места уже заняты, кроме твоего собственного». Но где оно, ее место?

Мысли теснились в голове, а чувства в груди. С каждым шагом становилось спокойнее, но острота ощущений оставалась.

Лёлька всегда думала, что творить и писать может лишь тот, кто мудр, кто знает какие-то вечные истины и правила. Тот, кто по-настоящему талантлив, иначе не стоит даже бумагу марать.

Но, оказывается, что вечные истины никому неинтересны! И писать надо про себя! Это удивительное открытие будоражило, волновало, вдохновляло. Она чувствовала себя легкой, почти невесомой. Только звук собственных шагов убеждал в том, что она идет по земле, а не парит над ней.

Василий встречал у порога и смотрел с укоризной, время ужина прошло, а его еще не кормили.

– Сейчас, сейчас, миленький.

Лёлька насыпала корм в миску, почесала за ухом пушистого друга.

Прошла в комнату, включила компьютер. Зашла на сайт с музыкой. Пусть играет что-нибудь новое, а не как обычно – то, что нравится ее очередному кумиру.

Теперь надо создать рабочее пространство. Аккуратно собрала все вещи и убрала в шкаф.

Перед ней был пустой стол, клавиатура, монитор и блокнот с записями.

Прислушалась к себе.

Ничего, лишь смутные образы и желания. Что ж, не страшно.

Сегодня ее не пугала пустота. Она была готова даже принять мысль, что эта пустота – и есть она. Хотя чувствовала, что в ней гораздо больше всего, чем она до сих пор думала и знала.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.